

Склонение местоимения *тъ* в языке псковских и московских летописей XIV–XVI вв.

Балкарова Ксения Михайловна

Студентка Московского государственного университета имени
М.В. Ломоносова, Москва, Россия

История склонения местоимения *тъ* в русских говорах остается мало изученной. Важный материал для ее исследования в псковском диалекте XV–XVI вв. дает Строевский список Псковской 3-й летописи (Пск. 3 лет.), широко отражающий местные диалектные особенности. В данной работе мы попытались реконструировать псковскую диалектную систему склонения *тъ* в XV–XVI вв., причем рассмотреть ее в сопоставлении с системой говоров центра. Для этого мы исследовали материал московской Никоновской летописи (НЛ) за XIV–XVI вв., так как существующие работы по истории склонения местоимения *тъ* в говорах центра базируются, как правило, на материале грамот. Однако летопись как гибридный жанр зачастую демонстрирует особенности живого разговорного языка, в то время как грамоты часто содержат устойчивые штампы делового языка и могут не отразить полной картины.

Материал Пск. 3 лет. и НЛ за XIV–XVI вв. позволяет построить практически полную парадигму склонения местоимения *тъ*. Источники, вполне предсказуемым образом, оказались в оппозиции друг к другу. В Пск. 3 лет., отражающей псковский диалект XV–XVI вв., широко употребляются членные формы местоимения *тъ* (например, в И.п., В.п. всех родов ед. ч., И.п., В.п. м. р. мн. ч., М.п. и Т.п. мн. ч.). В НЛ за XIV–XVI вв. наиболее распространены стандартные древнерусские формы, однако и здесь встречается употребление членных форм. При этом в обеих летописях парадигма членных форм дефектна: «чаще всего... отсутствуют членные формы И.п. единственного числа какого-либо рода (в основном среднего, затем – мужского); в парадигме множественного числа они, наоборот, могут существовать только в И.п., отсутствуя в косвенных» [Чапаева 1983: 65]

При сопоставлении полученных парадигм местоимения *тъ* в единственном и множественном числе нами выделено шесть наиболее показательных пунктов.

1. И.п. и В.п. м. р. ед. ч. В Пск. 3 лет. в данной позиции представлены формы **тои** – **то** – **тогъ**, с очевидным преобладанием формы **тои**. «*а был тои моръ во Пскове и в пригороде, и въ всеи волости псковской...*» 1465г, л.115 об. Эта членная форма характерна для западных говоров, где она широко распространена сейчас. Однако в НЛ за XIV–XVI вв. мы также фиксируем господство формы **тои** (около 75 %). На фоне традиционного представления об экспансии в говорах центра формы **тогъ** (форма **тои** в грамотах XIV–XVI вв. практически не фиксируется [Петухова 1958]) это выглядит особенно интересно. Кроме того, субстантивное употребление **тои** здесь фиксируется достаточно часто, хотя принято считать [Горшкова, Хабургаев: 279], что развитие форм **тои** // **тогъ** было обусловлено их употреблением в адъективной // субстантивной функциях соответственно, ср.: *да тогда же приѣхаль къ великому князю служити изъ Литвы князь Иванъ Баба, Дрютскихъ князей, и той изрядивъ свой полкъ съ копы по литовьски...* 1436г. [НЛ, т.12: 22].

2. Р.п. ж.р. ед. ч. В обеих летописях мы наблюдаем значительное преобладание церковно-славянской формы **тоя**. Например: *А вои великого князя гонили по нихъ двадесать верстъ и тако возвратишася отъ великіа тоя истомы.* 1471г. [НЛ, т.12: 136]. Этот факт доказывает закрепление данной формы как маркера книжного языка по всей Руси. Как известно по данным памятников не книжной письменности, для говоров центра этого периода характерна форма **тое** (**тоѣ**) [Петухова 1958], также представленная в летописях, но в меньшем количестве.

3. В.п. ж.р. ед. ч. В Пск. 3 лет. преобладает членная форма **тую**, по-видимому, широко использовавшаяся в живом псковском диалекте этого времени. Однако и в НЛ зафиксировано несколько примеров с формой **тую**: *Преосвященный Алексѣй*

митрополить (...) заложил церковь камени и единого убо лѣта начаши и скончаша и освѣщаша тую церковь. 1365г [НЛ, т.11: 4]. Преобладающей в НЛ является форма **ту**.

4. И.п. мн. ч. В м.р. в обоих источниках доминирует членная форма **тии**: «*Поне же в Левгитѣ, о нихъ пишется и в Намаканоне и въ святыхъ апостолѣ правилѣхъ, тии сами свѣдятъ тако творяще..*» 1470г, л. 126 об. [Пск. 3 лет.]. Ж.р. в Пск. 3 лет. не представлен, а в НЛ представлен в основном формой **тѣ** и, единожды, членной формой **тыя**: «...*вверху же раздѣлены быша тыя пряти.* 1399г. [НЛ, т.11: 99].

5. В.п. мн. ч. В Пск. 3 лет. в женском и мужском роде преобладает членная форма с книжной флексией – **тыя**. В НЛ в ж.р. три примера из шести представлены этой формой **тыя**: «*Бываше же тогда Божіими судьбами частая варварская плѣненіа на градъ Черниговъ и на всѣ епархіа тыя, сирѣчь страны тыя...*» 1378г. [НЛ, т.11: 29]. В остальных случаях зафиксированы формы **тѣ** (2 примера) и **ти** (1 пример).

6. Т.п. и М.п. мн. ч. В НЛ мы находим стандартные формы **тѣми**, **тѣхъ**, в то время как в Пск. 3 лет. здесь фиксируются (и в Т.п. даже преобладают) членные формы **тыми**, **тыхъ**

Итак, мы можем констатировать, что адъективные формы склонения местоимения **тѣ**, обобщенные по склонению прилагательных, преобладают в северо-западной псковской летописи, где такое склонение характерно для диалектной системы до настоящего времени, но встречаются и в московской НЛ. Можно предположить, что они были известны и в говорах центра, где, возможно, в XIV–XVI вв. существовала вариативность членных и стандартных форм.

Литература

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика древнерусского языка. М., 1997.

[НЛ] – Полное собрание русских летописей. Т. XI, М., 2000; Т. XII, М., 2000.

Петухова Е.Н. Склонение указательных местоимений **тѣ**, **та**, **то** в памятниках XIV–XVI вв. // Ученые записки ИГПУ, каф. русс. яз., вып. 14. Иркутск, 1958.

Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1955. Вып. 2.

Чанаева Л. Г. История форм неличных местоимений в говорах великорусского центра XIV–XVI вв. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1983.